

АЛЕКСАНДР МОРЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

О, ВОЗРАДУЙСЯ !

Пчелы пьют солнце из фарфоровых
... чашечек яблони,
Радуйся, радуйся!—
В школе наказан мальчишками
... маленький злобный ябедник,—
Радуйся, радуйся,—
Сам лишь святое дари,
радуясь, радуясь,—
людям не дай обреченность
радости, радости!
Людям давай озаренность
радостью, радостью!
Дай, Боже, больше женщине
радости, радости!
Пусть лучше будет меньше мне
радости, радости.
Солнце целует землю
в радости, в радости!
Счастье дари и прими
радостно, радостно.

х х х

Мне тяжело быть может оттого,
что стал рабом вечерних настроений.
Они ждут вечера у дома моего.
Луна вошла,

они заходят в сени.

Вошли,
уселись тихо на диван,
с колен свисают голубые руки...
Кто там еще?

Мы, звуки!

Входят звуки,
себя, как ходики, развесив по стенам...

И никого не хочется мне видеть,
ни с кем нет сил встречаться,
говорить.

И кажется, что я давно устал любить,
как год назад устал я ненавидеть!
Передо мной раскрытая тетрадь.
И нет ни папирос, ни сигарет...
И думаешь: кому, о чем, зачем писать?
И так молчишь, не зажигаешь свет.

x x x

Стреляйте, стреляйте!..
Вот так и уходит река
в созвездия чисел, молитв и большого забвенья.
В скопленьях живых отзывается мертвых тоска —
что смерть — это бездна,
но смерть — это только мгновенье.
Пыли, Млечный Путь, рассыпайся сухим молоком.
В движении твоём и в твоей неподвижности статной
есть кровь, что в висках у землян
отбойным стучит молотком —
расплавленной яростью, голосом, полным осанной.
Мы все в этом мире, как свет от погасшей звезды.
Как звезды во тьме, зажглись мы когда-то во чреве,
где купол был полон тепла и тревожной страды,
и звезд нерожденных блуждали погибшие тени.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

...Им темно!
Еще многим людям темно!
Мне светло!
Ах, как больно рукам и глазам
и животу моему!

Почему тебя нет, ...
почему тебя нет здесь, скажи!
Ты кого сторожишь?
Ты меня сторожи!
Удержи!
Ведь над пропастью страшной
стою я у края межи.

Беспросветное небо
и рожь высока и легка.
Но, ах, как глубока она,
как глубока та река!
Утону я в ее глубине,
в темноте утону!
И пойду, словно спящая,
словно слепая ко дну.

Путь мой будет далек,
без тебя,
без любви,
без конца!
Та река бесконечна,
не имеет конца,
как кольцо!
Тебя нет
и болит мое сердце,
и палец болит без кольца!
Мне не сжать мои руки —
хотят твоё гладить лицо!

Я ушла далеко,
я не знаю, куда я иду!
Все мне странно и ново
в моем необъятном бреду!
Я войду к тебе завтра,
ни свет, ни заря я приду!
На бумагу,

на пальцы
слезами к тебе упаду!
Не молчи же,
очнись,
ночь страшна,
еще будет страшней!
По ночам и солдатам такое
не снилось на днищах траншей!
Мне не спрятаться,
мне не уйти от огня!
Я сдаюсь!
Безоружна!
Моя уже сбита броня!
Не жалею,
что страшная тяжесть
легла мне на оба крыла.
Не могла идти рядом
и сзади идти не смогла!

Все болит,
все болит,
но прощаюсь с тобой.
Прости!
Я тебе расчищаю завалы в пути!
Освещаю пути!
Ты поймешь,
сколько было
и не было в сердце моем!
Подожди, еще будем мы вместе!
Еще будем вдвоем!

Я сильна, как она!
Я ее скоро встречу на дне!
Ты поймешь,
как была бы нужна
тебе здесь я —
на этой земле!

Все, чего тебе здесь
я отдать не смогла,
все во мне!
Все тебе отдаю,
словно первый костер на земле!

Убивай равнодушие,
подлость,
спасай доброту!
Пусть в ладонь
не вбивают ей гвоздь,
прибивая к кресту!

Освещай людям путь.
Зажигай людям души,
сердца!
Пусть луч солнца откроет
опавшие веки слепца!

Каждый должен увидеть,
как все в этом мире светло!
Я прощаюсь с тобой!
Тяжело поднимаю
крыло!

х х х

Кто-то продажный молился рублю,
кто-то чавкая ел блины,
кто-то отчаянно крикнул: "Люблю!",
кто-то слез равнодушно с жены...

А снег все падал, белый, пушистый,
в прихожей, шаркая, гроб выносили,
и мир в снегу был светлый и чистый -
- блюдечко
с лепестками лилий!

Я денег на любовь не занимал.
 В кармане только мелочь на трамвай.
 Любимой я цветов не покупал,
 любимой я духов не покупал.
 Сплетались руки — в шалаше был рай.
 Я денег на любовь не занимал.

Она была верна мне, как табак,
 как мать, как воздух, как земля
 под небом.

Она мне говорила: "Ты чудак!"

Она меня любила просто так
 за то, что я чудак,
 и что другим я не был.

Она была верна мне, как табак.

Так, как она, любить никто не может.
 Она срывалась с крыши легким звоном,
 она врывалась в окна звонким горном,
 и в улицы, и в дом текла потоком
 горным

ко мне. Но вас она не потревожит,
 так, как она, любить никто не может.

Чтоб все узнать, увидеть и услышать,
 чтоб у людей, как у собак, найти
 участие,

я принял все: и свет в окне, и крыши,
 и ласточек, и облака, и выше...

Я буду вечно молодым, хмельным от
 счастья

что мог ее узнать, увидеть и услышать.
 Я буду мудрым, молодым, седым
 от счастья.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Фонари-фонарики по городу бегут,
поздние трамвайчики по городу
ползут.

Что с тобой поделаю я,
голова бедовая?
В Никуда приеду я
по тебе, Садовая!
Там, в уютной комнатке
все в этюдах стенки.
На стенах, на потолке
красные оттенки.
В синих папиросных клубках
гречневые волосы,
твои губы ввязнут в губы
мои, папиросные...
Так балуй меня, балуй
топкими губами.
И руками убаюкай -
тонкими ветвями.
Заскребется полночь-кошка
за горячей печкою,
за трамвайным за окошком
пусто поздним вечером.
Лишь фонарики-фонарики
по улицам бегут,
под фонариками пьяного
с чинариком ведут.
Я тону, тону в глазах глубоких,
выплываю,
я губами не ресницы -
камышом хватаю.
Лучше б мне тебя не знать,
робкую, милую,
твое тело не сгибать,
тонкое, ивовое.

Я хочу побыть с тобой
долго ли, недолго.
Спи, туман мой голубой,
иволги за Волгой...
Завтра кисть твоя в руке
дрогнет, закачается.
Только тихо на реке,
только все кончается.
В подворотне четверо
кого-то стерегут...
Ах, фонарики-мазурики
по городу бегут...

Спи.

ПОЛУСТАНОК

Когда поезд останавливается на минуту,
останавливается на полустанке, заросшем цветами,
нам кажется полустанок тем уголком земли,
где вы остались бы навсегда.
Но жизнь вы проводите в городе,
в душном городе,
в каменном городе,
где много бань, больниц и аптек,
где много рынков и есть велотрек,
и много женщин с ногами, красивыми, как на витринах...
И жизнь для вас —
за стеной играющий сосед-скрипач,
квартирный коридор,
где слышно, как воду спускает жена скрипача,
жизнь — это десять минут до работы
и на плечах непромокаемых плащ.
Жизнь — это ящик для свежих газет
и ящик для мятых газет.
Это робкое "да", потонувшее в категорическом "нет"!.
Это — дрова, но не лес,

это сено — но не трава,
это окно, за которым кто-то платит за свет.

Прощай, зеленый свет реклам неонных:
"ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ"...

О, с какой болью
звенят медяшки у меня в кармане!
Земля, как много все же ты дала мне!

Прощай, дощечка:
"НЕ ХОДИТЕ ПО ГАЗОНАМ"!

Я ухожу в неведомые дали.

Леса, я снова задыхаюсь от озона,
поля, я снова полонен и полон вами.

Я снова с вами, снова я отшельник,
нет тени за спиной — я снова дома.

Иду — и расступается мой ельник,
туда, где все мне до брусничинки знакомо,
иду, освещенный осенним солнцем,
иду, беспаспортный и беспартийный,
иду, свободный снова, чистый снова,
иду — и расступается осинник.

О, погружаюсь в море хвои, листьев,
багульником и вереском ведомый.

О, не пугайтесь меня, волки, лисы,
я вам не враг — я брат ваш,

все мы дома.

О, обрамляйте лик мой желтым, листья,
как нимбом, золотом.

И с верою в поверья
лижите мои руки, волки, лисы.

Я вам не враг,

я брат ваш заповедный.

Я — те же травы в человеческом обличи.

Я — радугю с неба в землю врезан.

Примите ж меня в вотчину, примите!

Иду и расступается березник...

Хочу быть там, у самого истока,

с корнями слиться, в ветви воплотиться,
хочу бежать цветами вдоль дороги,
на синем белым облаком клубиться!
Хочу бессмертия,

растертый в прахе,
свою ненужность, мизерность измерив,
чтоб шел во мне огромный
звонкий пахарь,
и песни пел,
и свои зерна сеял!

ПРЕДСМЕРТНОЕ

Люди, дождитесь утра,
дождитесь пришествия утра,
оно уже за пригородом
идет по рельсам к городу.
Я заклинаю: дождитесь утра!

Я иду, я курю, ну а там,—
где-то там, за домами, в комнате
я еще обнимаю тебя,
прижимаю к щеке твои волосы,
придвигаю к тебе твои туфельки,
даже завтрак неслышно в газету
заворачивается сам,
придвигаясь к краю стола.
Заклинаю: меня не забудь!
Этот воздух и шорох листьев — я!
Это солнце, к шторам приникшее, — я!
Эта слава, в шторме погибшая — я!
Это слово, в штольне затихшее — я!

Неужели я жив? Подожди!
Дай осмыслить потерю и встречу.
Что ж, что нет меня там,
позади, впереди,
что ж, что нет тебя в твоей комнате.

Не уйди от меня, не уйди!

Жизнь до боли в глазах

в твоей памяти — я!

Ведь до боли в висках незапамятен — я!

Дом кричит, и трамвай,

и углами — стол:

— Задержите его!

Стекля в окнах звенят,

в коридоре шаги мои держит пол,

я иду — я еще не успел, не ушел.

Но не ждите меня,

не зовите меня...

Моя молодость —

в страшном свержении лет,

в дивном страстном молчаньи холстов на стене,

в непрописанных истинах сигарет,

и в согбенной рембрандтовской спине.

Я стар до предела,

и полк мой разбит.

Я иду — моей палкой дорога стучит.

О, такси! Нет, не надо такси.

А свеча все горит,

все горит и горит...

Но светает — свечу погаси...

Прощайте, дюны, дом, дубы и доли,

долги, прощайте, выдумки и думы.

О, как в неведении я жил среди вас долго!

Вернитесь, дамы, в пушкинские залы,

вернитесь, дымы, в пушечные жерла.

Прощай, мой век, неистовый и бурный,

наполненный, как в воскресенье урны!

Прощайте, книги, — исповеди века,

где люди есть, но нету человека!

Прости, любимая, отмеченная мною.

Я — противостояние аншлагов!

Прощай, неведомая ложь амвонов,

прощай, заведомая правда флагов!

Как солнце возвращается к востоку,
 все в мире возвращается к восторгу!
 Как реки возвращаются к истоку —
 все в мире возвращается к восторгу.
 Как вдовы возвращаются от стона
 вновь к сладкой все врачующей истоме,
 так блудный сын опять уйдет из дома,
 так пьяница опять вернется к водке.

Все в мире возвращается к восторгу!
